

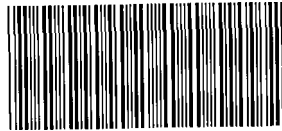
На правах рукописи
Ан. Бокарев

Бокарев Алексей Сергеевич

**ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ ГРУППЫ «МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ 1970–1980-х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

005536649

31 ОКТ 2013

Ярославль
2013

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

Научный руководитель:

Кучина Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранных литератур и языков
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

Официальные оппоненты:

Доманский Юрий Викторович,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Спиваковский Павел Евсеевич,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация:

ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»

Защита состоится «25» ноября 2013 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.307.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., д. 46-в, ауд. 506.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108).

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., д. 66, ауд. 310.

Автореферат разослан «21» октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Л.И. Зими́на

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

По сложившейся традиции понятие «Московское время» употребляется для наименования нескольких сходных, но не тождественных литературных явлений. Во-первых, это название самиздатской антологии, вышедшей в Москве в 1970-е годы. Во-вторых, «Московским временем» был назван один из столичных поэтических клубов, открытый в начале 1980-х гг. А. Сопровским. В-третьих, наименование «Московское время» закрепилось за небольшим кругом авторов, имевших отношение к антологии или принимавших участие в работе клуба. Среди них называют А. Сопровского, С. Гандлевского, Б. Кенжеева, А. Цветкова, Т. Полегаеву и А. Казинцева, к которым примыкают более молодые Д. Веденяпин, Г. Дашевский и В. Санчук.

В последние годы понятие «Московское время» все чаще используется в третьем значении, а указанные авторы ретроспективно осмысляются как литературная группа. Вместе с тем пишущие о «Московском времени» обычно ограничиваются анализом индивидуальных поэтик составляющих группу авторов и обходят вниманием общие, характерные для всех них особенности. Это отчасти объясняется тем, что до сих пор не выработано четких понятий ни о структуре группы, ни о хронологических рамках ее существования.

Автор реферируемой диссертации исходит из того, что структура «Московского времени», как и любой литературной группы, не была однородной. В ней легко выделить ядро, которое составляют поэты, чье творчество обнаруживает общность эстетических и поэтических принципов: это Б. Кенжеев, С. Гандлевский, А. Цветков и – в несколько меньшей степени – А. Сопровский. Их лирика, наиболее полно воплощающая художественную стратегию группы, и находится в центре исследования. Соответственно, за дату создания «Московского времени» принят 1975 год, когда появились первые выпуски давшей ей название антологии, а датой окончательного распада считается 17 июня 1989 года, когда А. Сопровский объявил о закрытии одноименного поэтического клуба.

До сих пор немногочисленные попытки хотя бы контурно наметить параметры общегрупповой поэтики «Московского времени» ограничивались общими, хотя иногда и весьма точными суждениями. Так, М. Айзенберг в числе главных художественных «трендов» группы называет установку на освоение и обновление литературной традиции, которая бесспорно является фундаментом ее эстетической программы. Отсюда необходимость включения «Московского времени» в контекст традиции, в первую очередь ближайший, а в перспективе охватывающий и поэзию всего XX века. Вместе с тем само понимание традиции не может исчерпываться интертекстуальными связями и должно иметь прежде всего системный и типологический характер. Поэтому объектом реферируемого диссертационного исследования является

поэтика литературной группы «Московское время», рассмотренная в аспекте ее типологических связей с русской лирикой 1970–1980-х гг.

В качестве литературного контекста исследуются, с одной стороны, произведения авторов, развивавших акмеистическую линию русской поэзии, – А. Тарковского, Д. Самойлова, А. Кушнера и О. Чухонцева. С другой стороны, привлекаются и тексты представителей поэтического андеграунда – Е. Кропивницкого, И. Холина, Г. Сапгира и Я. Сатуновского, входивших в лианозовскую литературную группу. Если выбор первых уже на самом поверхностном уровне мотивирован общей поэтической генеалогией и сходным пониманием традиции, то поэтика вторых для «Московского времени», на первый взгляд, не слишком актуальна. Вместе с тем в творчестве перечисленных поэтов ярко воплотилась такая особенность неклассического художественного сознания, как логоцентричность. Как и авторы «Московского времени», они разделяют представление о том, что именно слово является первичной реальностью, а между миром и текстом нет непреодолимой границы. Кроме того, с лирикой «Московского времени» их роднит и стратегия репрезентации авторского «я», которое понимается не как раз и навсегда «готовое», а как пребывающее в постоянном поиске собственной идентичности.

Таким образом, предметом исследования являются метапоэтика и субъектная структура лирики, на основании анализа которых устанавливается типологическое «родство» поэзии «Московского времени» с творчеством авторов, формирующих ближайший литературный контекст.

Научная актуальность работы определяется обращением к исследованию форм неклассического художественного сознания в лирике второй половины XX века, необходимостью введения в научный оборот верифицированных данных о субъектной структуре и метапоэтических аспектах творчества представителей группы «Московское время» (ранее эти проблемы не становились предметом литературоведческого изучения) и осмысления контекстуальных связей локального поэтического явления с творческими исканиями эпохи.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые выделены основные константы поэтики авторов «Московского времени», охарактеризована творческая стратегия и дан детальный анализ субъектной структуры и метапоэтики представителей группы; впервые описаны эстетические установки и особенности структурно-семантической организации лирики А. Сопровского; подробно проанализированы типологические связи поэтов «Московского времени» с творчеством А. Тарковского, Д. Самойлова, А. Кушнера, О. Чухонцева и авторов лианозовского круга (несомтождественность «я», обусловленная кризисом личности, проблематизация границ между миром и текстом, осознание онтологической ушербности поэтического слова).

Материал исследования – лирика С. Гандлевского, Б. Кенжеева, А. Сопровского, А. Цветкова 1970–1980-х гг. (всего проанализировано 644 текста) и поэтические произведения А. Кушнера, Д. Самойлова, А. Тарковского, О. Чухонцева, Г. Сапгира, Е. Кропивницкого, Я. Сатуновского, И. Холина, написанные до 1990 г.

Цель работы – дать комплексную характеристику поэтики литературной группы «Московское время» в типологических и контекстуальных связях с лирикой 1970–1980-х гг.

Основные задачи исследования:

1. выявить константные компоненты поэтики, позволяющие рассматривать творчество авторов, составивших литературную группу «Московское время», как единую художественную систему, а не как совокупность частных поэтик;

2. обосновать методологические принципы типологического сопоставления творчества выбранных поэтов на основе аналитического обзора концепций изучения субъектной структуры лирики, метатекста и метапоэтики;

3. выявить особенности метапоэтики и субъектной организации лирики 1970–1980-х гг. в тех ее структурно-семантических доминантах, которые были востребованы / подверглись трансформации в творчестве авторов «Московского времени»;

4. охарактеризовать специфику субъектной структуры лирики «Московского времени» в соотнесении с поэтическими практиками 1970–1980-х гг., опираясь на статистический и содержательный анализ системы форм высказывания;

5. систематизировать представления авторов «Московского времени» о соотношении реальности и «литературы» и сопоставить их с метапоэтическими установками лирики 1970–1980-х гг.;

6. дать анализ свойственного поэзии «Московского времени» мотивного комплекса «стихи о стихах» в соотнесении с метапоэтическими концепциями лирики 1970–1980-х гг.

Ввиду того, что поставленная цель предполагает анализ различных уровней поэтики «Московского времени», рассматриваемой в качестве единой художественной системы, продуктивной оказалась комплексная методология исследования, основанная на типологическом подходе к изучению литературных связей и включающая мотивный, структурный, статистический и герменевтический анализ, а также элементы теории интертекстуальности.

Теоретико-методологическую базу работы составили историко-литературные и теоретические исследования в нескольких областях, прежде всего:

- по литературной типологии (работы С.С. Аверинцева, А.П. Авраменко, В.И. Брагинского, С.Н. Бройтмана, А.Н. Веселовского; А.К. Жолковского, Вяч. Вс. Иванова, А.А. Кобринского, Ю.М. Лотмана, И.П. Смирнова, О.Р. Темириной и др.);

- по теории и исторической поэтике лирики (работы И.Ф. Анненского, С.Н. Бройтмана, А.Н. Веселовского, М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, А.К. Жолковского, М. Зусман, Л.Г. Кихней, Б.О. Кормана, Ю.И. Левина, Ю.М. Лотмана, Т.И. Сильман, Ф. Тун, Ю.Н. Тынянова, И. Ужаревича, М.И. Шапира, Ю.К. Щеглова, Е.Г. Эткинда, Б.И. Ярхо и др.);

- по теории метатекста и метапоэтике (работы А. Вежбицкой, Х.Е. Кима, Ю.И. Левина, Ю.М. Лотмана, Д.И. Петренко, Д.М. Сегала, Р.Д. Тименчика, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, В.А. Шаймиева, К.Э. Штайн и др.);

- по истории русской лирики второй половины XX века (работы М.Н. Айзенберга, В.С. Баевского, Е.И. Вежлян, А.А. Житенева, С.В. Кековой, В.Г. Кулакова, Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого, А.С. Немзера, Ю.Б. Орлицкого, А.Э. Скворцова, И.О. Шайтанова и др.).

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней обоснованы параметры описания типологических и контекстуальных связей авторов «Московского времени» с официальной и неофициальной поэзией 1970–1980-х гг.; разработаны алгоритмы исследования субъективной структуры лирики на основе статистического анализа форм высказывания в лирическом тексте, доказана эффективность статистического метода в характеристике поэтического мира рассматриваемых авторов (С. Гандлевского, Б. Кенжеева, А. Сопровского и А. Цветкова); дана комплексная характеристика метапоэтической проблематики творчества поэтов «Московского времени» в разноаспектных контактах с лирикой 1970–1980-х гг.; тем самым обосновано детальное верифицированное описание как устойчивых, так и вариативных, как традиционных, так и новаторских аспектов поэтики русской лирики изучаемого периода.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в преподавании учебных курсов «Современная русская литература» и «Историческая поэтика литературы XX века» на филологических факультетах вузов, а также при разработке спецкурсов и элективных курсов по истории русской литературы XX – XXI вв.

Апробация работы. Автор диссертации имеет 28 публикаций в научных журналах и сборниках материалов конференций, в том числе в 5 журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых изданий, утвержденный ВАК РФ, а также 2 учебно-методические работы. Результаты исследования представлялись в докладах на международных и межвузовских научных конференциях: Литература народов России в социокультурном и эстетическом контексте» (Москва, XIV Шешуковские чтения, МПГУ, 2009), «Литература в диалоге культур» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 2009, 2010, 2011 гг.), «Ломоносов-2009», «Ломоносов-2010» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009, 2010 гг.), «Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка» (Москва, МГУ им. М.В. Ломо-

носова, 2010 г.), «Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2010 г.), «Литературный текст XX века: проблемы поэтики» (Челябинск, ЮУрГУ, 2010 г.), «Ярославский край. Наше общество в третьем тысячелетии» (Департамент по делам молодежи, физической культуре и спорту Ярославской области, Ярославский областной молодежный информационный центр, Молодежное правительство Ярославской области, 2010 г.), «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2010 г.), «Голоса русской провинции» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2010, 2011, 2012 гг.), «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, ЮУрГУ, 2011 г.), «Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: Художественный текст как предмет изучения в школе и вузе» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2011, 2012 гг.), «ЮНОСТЬ, НАУКА, КУЛЬТУРА» (Москва, НС «ИНТЕГРАЦИЯ», Государственная Дума ФС РФ, Минобрнауки России, Минспорттуризм России, РОСКОСМОС, РАЕН, РИА, РАО, 2012 г.), «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, НГПУ им. К. Минина, 2012 г.), «Чтения Ушинского» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013 г.). В 2011 г. автор был отмечен дипломом победителя университетской выставки «Инновационный потенциал студенчества ЯГПУ» за выполненную в рамках диссертационного исследования работу «Литературная группа “Московское время”: эстетические приоритеты и особенности индивидуальной поэтики», а в 2012 – дипломом лауреата Всероссийского заочного конкурса научно-исследовательских, изобретательских и творческих работ обучающихся «ЮНОСТЬ, НАУКА, КУЛЬТУРА» за работу «Поэтическая группа “Московское время”: эстетика, поэтика, стилистика».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Творчество поэтов «Московского времени» может быть рассмотрено как единая художественная система, сформированная в русле магистральных тенденций развития русской поэзии 1970–1980-х гг. на основе сходных для авторов – участников группы эстетических установок, общих культурных и литературных ориентиров и проблемно-тематических доминант.

2. Субъектная структура и метапоэтика лирики являются объективно надежными критериями, на основании которых может быть установлено типологическое родство разных поэтических систем. Выявление общих для поэзии 1970–1980-х гг. художественных тенденций требует детального анализа данных аспектов поэтики.

3. Лирика «Московского времени» типологически родственна творчеству, с одной стороны, «старших» и «младших» неоакмеистов (А. Тарковского, Д. Самойлова, О. Чухонцева и А. Кушнера), с другой – поэтов лианозовского круга (Е. Кропивницкого, Г. Сапгира, И. Холина, Я. Сатуновского). Их поэтические произведения восходят к

общему структурно-семантическому инварианту, который на уровне субъектной организации текста определяется кризисом персональности, а на уровне метапоэтики – пересмотром референтных отношений и последовательной ревизией возможностей слова и статуса творческого акта.

4. Специфика субъектной структуры лирики 1970–1980-х гг. состоит в полной или частичной аннигиляции «я» и / или замещении его «другим», в нераздельно-неслиянном со-бытии «я» и «другого», означающем интенсификацию интересубъектного и надсубъектного начал, а также в доминировании лирического «я» и лирического героя как определяющих поэтическую систему типов лирической субъективности. Метапоэтические стратегии лирики 1970–1980-х характеризуются проблематизацией или устранением границы между миром и текстом, амбивалентным чувством веры-неверия в возможности слова, а также утверждением «затрудненности» и «болезненности» творческого акта.

5. Инвариантные для лирики 1970–1980-х гг. особенности субъектной структуры в полной мере реализуются в творчестве поэтов группы «Московское время». Кризис самоидентификации в разной степени характеризует лирического субъекта С. Гандлевского, Б. Кенжеева и А. Цветкова; замещение «я» «другим» нередко происходит в лирике Б. Кенжеева, а деперсонализация, оборачивающаяся актуализацией надличностного начала, свойственна поэтической системе А. Цветкова. Исключением является лирика А. Сопровского, лирический субъект которого целенаправленно отстаивает «целостность» и индивидуальность своего «я».

6. Свойственные лирике 1970–1980-х гг. метапоэтические установки сохраняют свою актуальность и для авторов «Московского времени», которые, как правило, идут по пути их усложнения и радикализации. Аномальной зависимости реальности от литературы А. Цветков противопоставляет право уклониться от литературных положений и сюжетов; в лирике А. Сопровского утверждаются исключительные, в пределе достаточные для преобразования мира, возможности поэтического слова. Однако онтологическая ущербность слова отрефлексирована и С. Гандлевским, и Б. Кенжеевым, и А. Цветковым – и именно в ее преодолении состоит суть творческого акта.

Структура работы: диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Библиографического списка, включающего в себя 654 наименования, и Приложения. Общий объем диссертации составляет 237 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы, ее научная актуальность и новизна, излагаются цель и задачи диссертации, приводятся сведения о ее теоретической и практической значимости, апробации и структуре.

В первой главе работы – «**Субъектная структура и метапоэтика лирики в аспекте литературной типологии**» – выявляется эвристический потенциал субъектной структуры и метапоэтики лирики как типологизирующих признаков и дается описание принятого в работе аналитического аппарата.

Ключевые положения, в которых проясняется релевантность субъектной структуры и метапоэтики лирики как надежных критериев для типологического сопоставления, состоят в следующем. Во-первых, центром любой поэтической системы является «образ автора» (Б.О. Корман), предстающий в многообразии его субъектных форм и рассматриваемый как своего рода «призма», в которой преломляется эмпирическая реальность. Следовательно, если поэтические системы обнаруживают типологическое подобие субъектных структур, то и другие их параметры должны иметь сходную морфологию. Во-вторых, для любой поэтической системы характерна установка на самопознание и рефлексию над своими «генетическими и типологическими параметрами» (Р.Д. Тименчик). Если данные метапоэтики действительно имеют объективный характер, то близкие творческие установки, воплотившись в жизнь, должны дать типологически родственные поэтические системы.

Отношения автора и героя, которыми определяется субъектная структура лирики, в рамках реферируемой диссертации трактуются не как субъектно-объектные, а как субъектно-субъектные – как нераздельно-неслиянное со-бытие «я» и «другого». Учет диалогической природы лирического образа выступает необходимым условием для адекватного понимания видов лирической субъективности, различающихся в зависимости от того, какое начало – «авторское» или «геройное» – в них доминирует. В работе принята классификация, опирающаяся на труды С.Н. Бройтмана, Б.О. Кормана, Ю.Н. Тынянова и И. Ужаревича, в которой выделяются (1) субъектно не маркированные формы выражения авторского сознания, (2) лирическое «я», (3) сверх-«я», (4) лирический герой и (5) герой ролевой лирики. Каждому из них присущи свои грамматическим «маркеры», которые поддаются количественному измерению. Поэтому изучение субъектной структуры лирики основывается на данных статистического и содержательного анализа системы форм высказывания: метод, предложенный С.Н. Бройтманом, позволяет с высокой степенью достоверности определить тип лирического субъекта, реконструировать его «внутренний» облик и жизненную позицию.

Метапоэтика, оформившаяся в целостную научную концепцию в трудах К.Э. Штайн, базируется на теории метатекста и учитывает лин-

гвистическую, семиотическую и собственно литературоведческую интерпретацию этого понятия. С одной стороны, она осмысливается в духе семиотической теории метатекста Ю.М. Лотмана – как авторский «код», способствующий корректному прочтению художественного произведения; с другой стороны, она понимается как «текст о тексте» или «текст о тексте в самом тексте», где вскрываются творческие предпосылки поэта и «тайны мастерства», – что уже ближе к литературоведческому взгляду на природу метатекста. Наконец, одним из свойств метапоэтики является гетерогенность, предполагающая, что она сочетает несочетаемое, а именно элементы собственно художественного и научного дискурсов. Последний аспект в большей степени сближает метапоэтику с лингвистической теорией метатекста, восходящей к концепции А. Вежбицкой, которая, подчеркивая неоднородность метатекста, определила его как «двутекст».

Согласно К.Э. Штайн, *методологическим основанием* метапоэтики является представление о том, что в любом художественном тексте заложены данные об отношении автора к своему произведению или к языку в целом. Как особому типу дискурса метапоэтике свойственны *достоверность* и *объективность*. Несмотря на то что субъективный элемент в рефлексии поэта о творчестве, несомненно, присутствует, достоверность его суждений обеспечивается эмпирическим подтверждением, экспериментальными данными и общественной рефлексией, а объективны они потому, что подкреплены непосредственным опытом – творческой практикой автора.

На основании изложенных принципов во второй главе исследования – «Русская лирика 1970–1980-х гг. и ее структурно-семагические инварианты» – вычленяются инвариантные особенности субъектной структуры и метапоэтики лирики 1970–1980-х гг. и намечаются основные векторы их трансформации в творчестве поэтов «Московского времени».

Первый параграф второй главы имеет заглавие «**Формы репрезентации “я” и “другого” в лирике 1970–1980-х гг.**» и посвящен анализу инвариантных тенденций, определивших специфику субъектных отношений в лирике обозначенного периода. В целом они сводятся к одному смысловому знаменателю – кризису личности, который в каждом случае проявляется с разной интенсивностью. Во-первых, энтелехия индивидуального «я» реализуется через систему сложных, часто «конфликтных» отношений с «другим». Налицо затрудненность самоидентификации, и познание собственной личности сопровождается самоотстранением, попыткой преодолеть границы субъективности, чтобы стать для себя полноценным объектом и тем самым получить «истинное» знание о себе и своем месте в мире. Этими процессами во многом определяется субъектная структура лирики А. Тарковского и О. Чухонцева. Во-вторых, обозначается линия, связанная с «заземлением» индивидуальности, степень которого может варьироваться от едва

заметной деперсонализации «я» до абсолютного вытеснения его «другим». Данные явления характерны для лирики Д. Самойлова, Е. Кропивницкого, И. Холина, Г. Сапгира. В-третьих, приоритет «ты» нередко оборачивается интенсификацией интересубъектного и надсубъектного начал и предполагает разные формы синкретизма «я» и «другого» – от их нераздельно-неслиянного бытия до полного неразличения. Эта особенность характеризует прежде всего творчество поэтов-лианозовцев – Е. Кропивницкого и И. Холина.

Все три тенденции тесно друг с другом связаны и одновременно обнаруживаются в творчестве практически любого поэта. Однако от того, какие из них становятся преобладающими (первая или вторая и третья), зависит тип лирической субъективности, определяющий данную поэтическую систему. Так, в системах, где «другой» чаще предстает только как форма бытия «я», доминирует, как правило, лирический герой, а там, где господствует «ты», относительно автономное по отношению к авторскому протагонисту сознание, на авансцене оказывается уже лирическое «я» или ролевое «я». Для лирики 1970–1980-х гг. в целом характерен паритет между лирическим героем и лирическим «я», однако все же отмечается небольшое превосходство последнего. Если лирический герой возникает в творчестве А. Тарковского, О. Чухонцева и А. Кушнера, то лирическое «я» свойственно поэзии Д. Самойлова, Е. Кропивницкого, И. Холина, Г. Сапгира. Такая субъектная форма, как ролевой герой, в рассматриваемый период в целом нерелевантна: отдельные образцы «ролевых» стихотворений есть практически у каждого поэта (особенно много их у Е. Кропивницкого), однако они не превалируют ни количественно, ни качественно. Зато субъектно не маркированные формы выражения «я», а также сверх-«я» встречаются весьма часто, что означает, во-первых, приоритет «другого», а во-вторых – явное размывание субъектных границ.

В лирике «Московского времени» проявились все образующие выявленный инвариант тенденции, в разной степени актуализированные каждым из поэтов (за исключением А. Сопровского). Затрудненность самоидентификации оказывается свойственна лирическим субъектам С. Гандлевского и А. Цветкова (в меньшей мере – протагонисту Б. Кенжеева); вытеснение «я» «другим» становится характерной чертой поэтики Б. Кенжеева, в то время как аннигиляция субъектной границы, ведущая к диффузии «я» и «другого», определяет поэтическую систему А. Цветкова.

Второй параграф второй главы – «**Метапоэтические концепции в лирике 1970–1980-х гг.**» – обращен к изучению таких мотивных комплексов, как соотношение «литературы» и действительности (характер границы между миром и текстом, специфика «претворения» эмпирической реальности в литературный факт, литературное моделирование биографии) и «стихи о стихах» (цели и границы возможностей поэзии, язык как ее материал, поэт как субъект творческого акта).

В результате анализа в метапоэтике лирики 1970–1980-х гг. выделены следующие инвариантные черты. Во-первых, в ней заметно усложняются отношения между литературой и реальностью: граница, бывшая для классического художественного сознания незыблемой, проблематизируется (как у Д. Самойлова) или снимается, обнаруживая синкретизм мира и текста (как у Е. Кропивницкого, Я. Сатуновского, Г. Сапгира, О. Чухонцева и А. Кушнера). Во-вторых, для лирики рассматриваемого периода характерен амбивалентный комплекс взглядов на природу и сущность поэтического слова: с одной стороны, констатируется вера в его безграничные, выходящие за рамки текста, возможности, с другой – отрицается даже способность быть надежным инструментом познания и фиксации мира (так поступают прежде всего А. Тарковский и О. Чухонцев). Наконец, в-третьих, настойчиво педалируется болезненность самого творческого акта, тяжесть поэтической работы, далеко не всегда оправдывающей затраченные усилия и не дающей поэту гарантий на посмертную память (разные аспекты этой проблематики актуализированы А. Тарковским, Д. Самойловым и О. Чухонцевым).

В творчестве поэтов «Московского времени» рассмотренный инвариант не только последовательно реализуется, но и подвергается усложнению и радикализации. В лирике Б. Кенжеева и А. Цветкова синкретизм реальности и «литературы» мыслится уже как само собой разумеющийся, и главное внимание уделяется пересмотру референтных отношений между миром и текстом. В понимании сущности и возможностей поэтического слова авторы «Московского времени» (за исключением А. Сопровского) придерживаются представлений о его ненадежности и уязвимости, потому и поэтическая деятельность в целом лишена положительных коннотаций (хотя они периодически возникают у А. Сопровского и С. Гандлевского) и возможна только как целенаправленное преодоление чего бы то ни было – неблагоприятных внешних обстоятельств, несовершенства языковых структур, а зачастую и собственной творческой ограниченности.

В третьей главе диссертации – «**Субъектная структура лирики «Московского времени» в контексте поэтических практик 1970–1980-х гг.**» – детально исследуется субъектная организация лирики поэтов «Московского времени» в соотношении с выявленным во второй главе структурно семантическим инвариантом.

В первом параграфе третьей главы – «**“Я” без “другого”: лирический герой в поэзии А. Сопровского**» – определяется тип лирического субъекта и анализируются лексико-грамматические формы его презентации. Одним из главных качеств лирики А. Сопровского является едва ли не абсолютный приоритет «я» по отношению к «другому», почти не имеющий аналогий в русской лирике «бронзового века», а субъект речи в его стихах подпадает под тыняновское определение

лирического героя, то есть в большинстве текстов является своей собственной темой и образует эстетический центр высказывания.

Главной его интенцией является утверждение личности в борьбе с враждебными обстоятельствами, отстаивание своих убеждений, которое обнаруживает теургический потенциал и осознается как главное средство преобразования действительности. Такой авторской позицией обусловлена субъектная структура лирики, последовательно акцентирующая эти качества героя: перед нами четко идентифицирующий себя субъект, ясно осознающий свои жизненные и творческие задачи. Об этом позволяет говорить статистический анализ.

Среди прямых форм высказывания у Сопровского доминируют «я»-формы (78,69 %), причем «я» в именительном падеже, означающее равного себе субъекта, встречается в 62,13 % текстов, в то время как замещающие его местоименные и глагольные формы – в 56,21 %. Эта особенность субъектной структуры позволяет утверждать, что герой Сопровского характеризуется активно-действенной жизненной позицией и чаще выступает как субъект действия, чувства, состояния, нежели как объект их пассивного претерпевания. Косвенные формы высказывания хоть и дают весьма значительные в количественном отношении показатели (36,68 %), качественно почти целиком сводятся только к одной модификации – отделению состояния / субститута (25,44 %). Относительно большой удельный вес имеют синкретические и диалогические формы (20,71 %), свидетельствующие о проникновении в лирику «другого», который практически не выдвигается у Сопровского на первый план, но позволяет избежать монологизации. Более основательную «прописку» он получит в лирике С. Гандлевского, где будет осмыслен как едва ли не единственная форма существования «я».

Анализу ее субъектной структуры посвящен второй параграф третьей главы – «**“Я” как “другой”**: лирический герой в поэзии С. Гандлевского». Согласно статистике, лирический субъект С. Гандлевского – это лирический герой, так как в подавляющем большинстве стихотворений поэта на первом плане оказывается «я», выраженное либо напрямую – перволичными местоименными формами единственного числа (83,60 %), либо увиденное со стороны – как «другой» (73,77 %). При этом равный самому себе субъект («я» в именительном падеже) встречается в 68,85 % текстов, а замещающие его формы – в 75,40 %, что свидетельствует о пассивно-страдательной жизненной позиции протагониста.

Магистральная тенденция, определяющая субъектную структуру лирики С. Гандлевского, состоит в труднопреодолимом самоотчуждении героя, отражением которого является субъектная структура лирики. Субъект регулярно смотрит на себя как на «другого»: как на «он» (16,39 %), «ты» (22,95 %), отделенное от носителя состояние или субститут (34,42 %), репрезентуется с помощью обобщенных инфинитивных конструкций (37,70 %). Такая оптика индуцирует у Гандлевского

эффект последовательного и непредвзятого самоанализа, и свойственные этой оптике жесткая ирония и бескомпромиссность самооценок во многом определяют его поэтическую манеру.

В несколько меньшей степени названные черты характерны для творчества Б. Кенжеева – к изучению субъектной структуры его лирики обращен третий параграф третьей главы – «**“Я” и “другие”: лирический герой в поэзии Б. Кенжеева**». Доминирующим видом лирической субъективности в поэзии Б. Кенжеева также является лирический герой, хотя его структура, в сравнении с лирикой А. Сопровского или С. Гандлевского, отличается большей сложностью. Как показывает статистика, в лирике Кенжеева преобладают перволичные формы единственного числа (74,31 %), а герой характеризуется пассивно-страдательной жизненной позицией, поскольку замещающие «я» местоименные и глагольные формы преобладают над равным самому себе субъектом (62,84 против 51,36 %). «Мы»-формы достаточно распространены (42,62 %), но уступают косвенным способам репрезентации протагониста (46,99 %). Синкретические и диалогические формы высказывания встречаются реже прочих, хотя и отличаются относительно высокими количественными показателями (28,96 %).

Приведенные данные позволяют говорить, во-первых, о том, что лирический герой Кенжеева отчетливо осознает себя как индивидуальность с определенным взглядом на мир и свое место в нем, но в то же время использование оптики, позволяющей смотреть на себя со стороны, свидетельствует об утрате самоаутентичности, которая у Кенжеева носит не тотальный, а эпизодический характер и особенно остро проявляется в первых «эмигрантских» стихах. Во-вторых, большая доля текстов с «мы», а также внимание к синкретическим и диалогическим способам представления субъекта указывают на важную роль чужого сознания и интересубъектного начала.

Интерсубъектность лирики Кенжеева проявляется в том числе и в многообразии синкретических и диалогических форм высказывания, востребованных поэтом. Самые продуктивные из них – реплицированные (6,75 %), синкретическое «ты» (6,55 %), субъектно не маркированные конструкции (5,46 %) и ролевое «я» (3,27 %). Иными словами, лирический субъект Кенжеева способен фокусироваться не только на себе, но и на «другом» в прямом смысле слова. Временами «чужое» сознание настолько увлекает героя, что межличностные границы «размываются», а высказыванию сообщается «универсальный» характер. Однако до экспликации общечеловеческого, «хорового» начала дело у Кенжеева, как правило, не доходит. Это свойство субъектной структуры лирики является «визитной карточкой» А. Цветкова и анализируется в четвертом параграфе третьей главы – «**Диффузия “я” и “другого”: интересубъектность в поэзии А. Цветкова**».

В отличие от А. Сопровского, С. Гандлевского и Б. Кенжеева, в творчестве которых формируется лирический герой, поэтическую сис-

тому А. Цветкова определяет лирическое «я». Оно не требует безусловного единства литературной «личности» и предполагает, что протагониста больше занимают не собственные интеллектуально-эмоциональные «движения», а внешний мир или «другие». В лирике А. Цветкова говорящий предстает читателю в разных обликах, за которыми безошибочно угадывается одно сознание, их объемлющее, но к ним несводимое. Оно сопротивляется однозначной локализации, его автохарактеристики зачастую оказываются семантически полярными и не собираются в единый фокус. Это дает основание говорить о своеобразном протеизме лирического «я» Цветкова, которое способно принимать облик «другого», оставаясь самим собой. Таким образом, «внутренний жест» цветковской поэзии состоит в том, что автор в равной степени стремится и выразить собственную индивидуальность, и раздвинуть границы персонального опыта.

Внешним проявлением этой интенции являются результаты статистики, согласно которым перволичные местоименные и глагольные формы единственного числа встречаются у Цветкова только в 59,75 %, при этом протагонист занимает по отношению к миру пассивно-страдательную позицию (равный самому себе субъект появляется в стихотворениях реже, чем замещающие его формы – в 45,02 против 51,08 % текстов соответственно). В то же время высокий индекс «отсутствия» «я» (40,25 %) означает утверждение интересубъектного начала, а также свидетельствует о затрудненности самоидентификации протагониста. Если первая тенденция проявляется в уменьшении доли прямых и росте синкретических и диалогических форм (41,05 %), то вторая связана с весьма частотным использованием косвенных репрезентаций субъекта (50,64 %).

Таким образом, субъектная структура поэзии А. Цветкова учитывает едва ли не всю парадигму отношений «я» и «другого» и в целом далека от традиционных представлений о лирическом герое и его безраздельном «господстве» в художественном универсуме. Границы лирического «я» принципиально подвижны, благодаря чему оно способно вмещать и «присваивать» совершенно разнообразный опыт. Открытость чужому сознанию, умение встать на его позицию, перевоплотиться в него часто сообщают слову полифоническое звучание, а эксплицируемые им смыслы обретают универсальный характер. Это позволяет вычленив в составе лирического «я» Цветкова особую надличностную субструктуру – сверх-«я».

Что же касается попыток идентифицировать себя на фоне «другого», то в лирике Цветкова они, как правило, завершаются неудачей, поскольку физические и духовно-интеллектуальные особенности личности, согласно автору, не могут быть надежным критерием самоидентичности; бесполезна в этом отношении и персональная биография, – однако сказанное не означает полной аннигиляции индивидуального начала (как, например, у И.Холина). Наоборот, индивидуальность ли-

рического «я» формируется именно в точке пересечения с «другим», даже если это собственное alter ego субъекта. Иначе говоря, поэзия Цветкова убедительно доказывает, что диалогические отношения в лирике могут быть не только аномалией, но и нормой.

Итогом третьей главы является соотнесение субъектной организации лирики «Московского времени» и структурно-семантического инварианта, который характерен для русской поэзии 1970–1980-х гг.: авторы группы реализуют все заложенные в нем возможности, однако степень их актуальности для каждого варьируется. Подобно А. Тарковскому и О. Чухонцеву, С. Гандлевский, Б. Кенжеев и А. Цветков моделируют сложные субъектные структуры, в которых «я» стремится увидеть себя со стороны, как «другого», и тем самым лишается самоощущенности. Кризис идентификации протекает у каждого из поэтов по-своему: для лирического субъекта Кенжеева это скорее временное явление, связанное с эмиграцией и потерей родины, для героя Гандлевского – привычный и наиболее естественный способ существования личности, для протагониста Цветкова – только одна из возможностей «приблизиться» к подлинной сути своего «я», заранее обреченная на неудачу. Если в лирике А. Тарковского и С. Гандлевского поиск идентичности заканчивается обретением «твердого» знания о своих слабостях, то Б. Кенжееву и А. Цветкову ближе оказывается опыт О. Чухонцева: сознательные усилия субъекта не ведут к преодолению самоотчуждения, поэтому оно либо разрешается само собой (как в случае Кенжеева), либо мыслится принципиально непреодолимым и заставляет героя постоянно возвращаться к исследованию своего «я» (как в творчестве Цветкова).

В четвертой главе диссертации – «Литературная группа «Московское время» и метапоэтические стратегии в лирике 1970–1980-х гг.» – исследуются метапоэтические концепции авторов «Московского времени» и определяется направления, в которых осуществлялась трансформация характерного для лирики 1970–1980-х гг. инварианта.

Первый параграф четвертой главы называется «Реальность как литературный факт в творчестве поэтов “Московского времени” и лирике 1970–1980-х гг.» и обращен к рассмотрению общих для «Московского времени» и лирики 1970–1980-х гг. семантических механизмов, которыми регулируется претворение реальности в «литературу».

В результате исследования установлено, что в лирике А. Сопровского граница между ними остается непреодолимой, зато у С. Гандлевского реальность уже неотделима от текста: эмпирический мир лишается в лирике безусловности и первичности по отношению к слову; составляющие его предметы и явления замещаются литературными «копиями» либо предстают в реминисцентном флере, а лирический субъект ощущает себя частью развертывающегося в режиме нон-стоп литературного сюжета.

Б. Кеппеев и А. Цветков сосредоточены на принципах, регулирующих генезис литературного факта, причем последний далеко не всегда основывается на миметическом подобии предметов и явлений их литературным проекциям. Если в лирике Кеппеева реальность понимается как художественное произведение, где субъекту отводится роль персонажа, неспособного определять «направление» сюжетных линий, судьбу действующих лиц и сам стиль повествования, то А. Цветков предлагает сразу несколько стратегий взаимодействия реальности и «литературы», отрабатывая их на мифологическом, библейско-евангельском и собственно биографическом материале.

Согласно первой, реальность следует готовому тексту, ее «фабула» и «финал» известны заранее, а человек всего лишь «персонаж», лишенный собственной воли и вынужденный во всем подчиняться «автору». Вторая предполагает, что реальность способна «редактировать» текст по своему усмотрению, вопреки инерции «размера» и «авторскому» замыслу. Третья стратегия как бы учитывает опыт первых двух и состоит в том, что реальность сама является текстом, который способен быть многократно «переписанным», но ее «черновики» не уничтожаются, а сохраняются «автором» как набор альтернативных «версий и вариантов»; биография «персонажа» в силу этого утрачивает аутентичность и мыслится принципиально незавершенной. Иными словами, отношения между реальностью и «литературой» в лирике А. Цветкова определяются принципом притяжения – отталкивания. Реальность или мимикрирует под «литературу» повторяя ее сюжетные ходы, или, напротив, стараясь избежать уже известного сценария. Несмотря на очевидную амбивалентность, обе тенденции влекут за собой переход границы между миром и текстом, в результате которого обнаруживается общность регулирующих их законов. Отсюда свойственное протагонисту Цветкова ощущение, что, выступая творцом своего мира, он сам является чем-то творением. Поэтому создание в книге «Эдем» биографического «мифа» с одновременным существованием нескольких его версий интерпретируется как попытка утвердиться в праве на самостоятельное написание сюжета собственной жизни.

Второй параграф четвертой главы – «**Мотивный комплекс «стихи о стихах» в творчестве поэтов «Московского времени» и лирике 1970–1980-х гг.»** – сосредоточен на метапоэтических вопросах, актуальных как для авторов «Московского времени», так и для лирики 1970–1980-х гг., а именно: какова сущность поэзии и поэтического слова? кого можно считать поэтом? что такое творческий акт и каких усилий он требует от поэта? на что может претендовать и надеяться человек, называющий себя поэтом?

В лирике А. Сопровского одним из центральных объектов рефлексии становится поэтическое слово, воспринимаемое протагонистом как главное средство сохранения всего временного и неустойчивого: тем самым преодолевается свойственная человеку и миру хрупкость. Идеа-

лом поэта является «ответственное» слово, основанное на индивидуальном жизненном опыте, культурной памяти и проникнутое личной ответственностью за сказанное. Ему противостоит слово «обесцененное», этих качеств лишенное. Образцом «ответственного» слова для Сопровского является поэзия XIX века, а также творчество отдельных поэтов XX в. – Гумилева, Мандельштама, Ахматовой. Однако собственная причастность этой традиции подвергается сомнению, преодолеть которое помогает последовательная поэтическая работа и вера в высокое назначение своего труда.

Для метапоэтики С. Гандлевского существенны два аспекта. Во-первых, инструмент (и одновременно материал) поэта – слово – понимается им как эфемерное, зыбкое и, следовательно, непригодное для фиксации и упорядочения мира. При этом несущая за него ответственность муза – образ, регулярно появляющийся в его стихах, – поэту скорее враждебна: именно от нее исходит угроза молчания, которого так боится протагонист. Во-вторых, образ поэта у Гандлевского лишается традиционно свойственного ему божественного ореола, а «проточный голос» не только дает герою творческую власть, но и обрекает на отчуждение и одиночество.

В метапоэтике Б. Кенжеева утверждается приоритет творческого процесса перед его результатом. Речь, движение «звукового узора», наконец, просто бессвязный лепет ценны сами по себе, вне зависимости от их изначальной цели. Даже если итогом усилий оказывается всего лишь «скарификация, нелепица», непрерывность поэтического процесса остается главной творческой установкой протагониста. В конечном счете, только так и можно противостоять молчанию, которое осознается как самая незавидная для поэта участь и фактически приравнивается к смерти.

А. Цветков делает центром своей метапоэтической системы язык, последовательно эксплицируя его онтологическую ущербность. Творческий процесс осмысливается им не как моментальное прозрение или диктат чужого, более высокого сознания (музы, Бога и т.д.), а как тяжелая и целенаправленная работа, результатом которой должен быть культурный прогресс и посмертное существование пишущего в слове. Однако враждебность языка по отношению к поэту не только мешает достижению этого результата, но и инспирирует противоположную реакцию – насилие поэта над языком. Сознательная деструкция языковых норм в произведениях А. Цветкова (начиная от едва заметного грамматического сбоя и заканчивая заумью, а в пределе – и демонстративным отказом продуцировать новые тексты) интерпретируется как форма метапоэтической рефлексии – на тему о том, как писать стихи о невозможности писать стихами.

Таким образом, авторы «Московского времени» в целом воспроизводят общий для лирики 1970–1980-х гг. метапоэтический инвариант, но идут по пути усложнения и радикализации его основных пунктов.

Свойственное поэзии рассматриваемого периода представление о пронизываемости границ мира и текста опровергается лишь А. Сопровским. В лирике же А. Цветкова не просто фиксируется синкретизм реальности и «литературы» (как, например, в творчестве лианозовцев) и утверждается инверсированный характер отношений между ними (как у О. Чухонцева или А. Кушнера), но и основательно разрабатывается проблема адаптации субъекта к жизни в «литературоцентричном» мире. Не желая быть «марионеткой» в руках анонимного демиурга, протагонист Цветкова целенаправленно отстаивает свое право быть одновременно и героем, и автором собственной судьбы.

Исключительные возможности слова вслед за А. Тарковским, Д. Самойловым и др. безоговорочно признаются только А. Сопровским, при этом и С. Гандлевский, и Б. Кенжеев, и А. Цветков настаивают на его изначальной ущербности. Однако если у Гандлевского и Кенжеева ограниченность слова только тематизируется, то у А. Цветкова она реализуется в самой структуре текста – как система языковых девиаций, иногда доходящая до полной невнятицы.

Наконец, затрудненность и болезненность творческого акта, так или иначе ощущаемая всеми рассмотренными авторами (за исключением, пожалуй, одного А. Кушнера), в лирике Б. Кенжеева и А. Цветкова абсолютизируется и становится смысловым центром (мета)поэтической системы. В отличие от поэзии Д. Самойлова или О. Чухонцева, где молчание превозмогается с помощью волевого усилия, у авторов «Московского времени» оно может оказаться непреодолимым препятствием или даже осознанной метапоэтической установкой.

В Заключении обобщаются результаты проведенного исследования и излагаются основные выводы.

В Приложении «Статистический анализ форм высказывания в лирике поэтов “Московского времени”» разъясняются параметры статистического анализа и приводятся его результаты.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», утвержденный ВАК РФ

1. Бокарев, А.С., Кучина, Т.Г. Метапоэтическая рефлексия в лирике Бахыта Кенжеева и Алексея Цветкова // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 3. – С. 170–173. (0,35 п.л., авторских – 0,17)

2. Бокарев, А.С. Поэтическое слово как объект лирической рефлексии в творчестве Александра Сопровского // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – С. 258–261. (0,42 п.л.)

3. Бокарев, А.С. Предметный мир в лирике Бахыта Кенжеева // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – С. 265–268. (0,4 п.л.)

4. Бокарев, А.С. Генезис литературного факта в поэзии Алексея Цветкова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 2. – С. 87–89. (0,35 п.л.)

5. Бокарев, А.С. С. Гандлевский и А. Тарковский: автометаописательные мотивы лирики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4 (79). – С. 115–119. (0,4 п.л.)

Статьи в сборниках конференций и других научных изданиях

6. Бокарев, А.С. «Пишу по буквам: “Я уже не я”»: проблема двойственности лирического героя в поэзии С. Гандлевского // Литература в диалоге культур – 7 : материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д, 2009. – С. 23–25. (0,3 п.л.)

7. Бокарев, А.С. Особенности конструирования образа лирического героя в поэзии С. Гандлевского // Сборник лучших студенческих научных работ городского конкурса «Ярославль на пороге тысячелетия». – Ярославль, 2009. – С. 250–253. (0,25 п.л.)

8. Бокарев, А.С. «Бестиарий» А.Цветкова. Опыт прочтения «детских» стихов в контексте «взрослой» лирики поэта // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации : материалы научно-практической конференции. – Вып. 3. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 27–31. (0,25 п.л.)

9. Бокарев, А.С. «Неужели вон тот – это я?»: проблема самоидентификации лирического субъекта в творчестве Сергея Гандлевского и Алексея Цветкова // Вестник студенческого научного общества 2010–8: материалы 65-й студенческой конференции. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 128–136. (0,48 п.л.)

10. Бокарев, А.С. Историческое и индивидуальное время в лирике Александра Сопровского // Человек в информационном пространстве : межвузовский сборник научных трудов : в 2 т. – Вып. 9. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – Т. 1. – С. 155–159. (0,3 п.л.)

11. Бокарев, А.С. Ремонт Приборов как автопародийное alter ego Бахыта Кенжеева // Литературный текст: проблемы поэтики : материалы III Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Цицеро, 2010. – С. 40–44. (0,26 п.л.)

12. Бокарев, А.С. Формы объективации авторского «я» в книге А. Цветкова «Эдем» // Литературы народов России в социокультурном и эстетическом контексте : материалы XIV Шешуковских чтений 2–3 февраля 2009 г. – М., 2010. – С. 247–255. (0,5 п.л.)

13. Кучина, Т.Г., Бокарев, А.С. «Одноактовой жизни трагедия»: биографическая реальность как литературный факт в лирике Сергея Гандлевского // Литература в диалоге культур – 8 : материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д, 2010. – С. 89–90. (0,23 п.л., авторских – 0,11)

14. Бокарев, А.С. «Келебыш телемышь черемыш»: образы инобытия в книге А. Цветкова «Детектор смысла» // Голоса русской провинции : научно-художественный сборник. Вып. 5. – Ярославль, 2011. – С. 74–79. (0,23 п.л.)

15. Бокарев, А.С. Поэт и муза в лирике Сергея Гандлевского // «Склонила Муза лик печальный...». Памяти Николая Николаевича Пайкова : сборник научных статей : в 2 т. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – Т. 1. – С. 121–126. (0,25 п.л.)

16. Бокарев, А.С. Система тематических оппозиций в лирике А. Сопровского // Литература в диалоге культур – 9 : материалы заочной Международной научной конференции. – Ростов н/Д: Foundation, 2011. – С. 32–35. (0,33 п.л.)

17. Бокарев, А.С. Лексико-грамматические формы репрезентации лирического субъекта в поэзии С. Гандлевского // Голоса русской провинции : научно-художественный сборник. Вып. 6. – Ярославль, 2012. – С. 91–100. (0,47 п.л.)

18. Бокарев, А.С. Лирический субъект и его лексико-грамматические репрезентанты в поэзии Александра Сопровского // Проблемы языковой картины мира на современном этапе : сборник статей по материалам Международной научной конференции молодых ученых. Вып. 11. 14–15 марта 2012 г. – Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2012. – С. 25–32. (0,44 п.л.)

19. Бокарев, А.С. «Гул тишины» и «звуковые узоры» речи: метапоэтика Бахыта Кенжеева // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. – 2013. – № 2. – С. 53–60. (0,5 п.л.)

20. Бокарев, А.С. Анализ стихотворения Б. Кенжеева «Я все тебе отдам, я камнем брошусь в воду...» в аспекте метапоэтики // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: Художественный текст как предмет изучения в школе и вузе : материалы V Всероссийской научно-практической конференции (26 марта 2012 года). – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 18–23. (0,24 п.л.)

21. Бокарев, А.С. Поэтическая картина мира в «Жителях барака» И. Холина и «Эдеме» А. Цветкова // Голоса русской провинции : научно-художественный сборник. Вып. 7. – Ярославль, 2013. – С. 89–98. (0,53 п.л.)

22. Бокарев, А.С. Реальность как литературный текст: основные «сюжеты» и стратегии их прочтения (на материале лирики А. Кушнера) // Культура. Литература. Язык : материалы Международной конференции «Чтения Ушинского» факультета русской филологии и культуры. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 95–101. (0,28 п.л.)

Тезисы докладов

23. Бокарев, А.С. Формы репрезентации авторского «я» в книге А. Цветкова «Эдем» // Международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2009» : материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ». – М., 2009. – С. 501–503. (0,15 п.л.)

24. Бокарев, А.С. Б. Кенжеев против А. Цветкова: игра в эпигонство и освоение поэтики языковых девиаций // Международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2010» : материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ». – М., 2010. – С. 596–598. (0,15 п.л.)

25. Бокарев, А.С. Особенности художественного языка книги А.П. Цветкова «Эдем» // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 691–692. (0,15 п.л.)

26. Бокарев, А.С. Творчество А.П. Цветкова в контексте поэзии группы «Московское время» // Областная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Ярославской области «Ярославский край. Наше общество в третьем тысячелетии» – 2010 : сборник тезисов участников конференции. – Ярославль, 2010. – С. 30–31. (0,1 п.л.)

27. Бокарев, А.С. Антитеза как структурно-семантический прием организации текста в лирике А. Сопровского // Язык. Культура. Коммуникация : материалы VI Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – С. 44–45. (0,07 п.л.)

28. Бокарев, А.С. Поэтическая группа «Московское время»: эстетика, поэтика, стилистика // Сборник тезисов докладов участников XXIX Всероссийской конференции обучающихся «ЮНОСТЬ, НАУКА, КУЛЬТУРА». – НС «ИНТЕГРАЦИЯ», Государственная Дума ФС РФ, Минобрнауки России, Минспорттуризм России, РОСКОСМОС, РАЕН, РИА, РАО, 2012. – С. 269–270. (0,07 п.л.)

Учебно-методические работы

29. Бокарев, А.С. Анализ стихотворения С. Гандлевского «Что ж, зима. Белый улей распахнут...» на уроке литературы в 11-м классе // Взаимодействие вуза и школы в преподавании отечественной литературы: Художественный текст как предмет изучения в школе и вузе : материалы IV всероссийской научно-практической конференции. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 159–164. (0,3 п.л.)

30. Болдырева, Е.М., Бокарев, А.С. История русской литературы XIX – первой половины XX века : учебно-методическое пособие. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. (10 п.л., авторских – 2,5)

Формат 60×92 /16 Объем 1,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 214

Типография ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44